

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 271.2-788

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-58-72

Онтологические ценностные категории русского иночества в XIV–XV вв.: источниковедческий аспект

Иван О. Мишин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, i.o.mishin@gmail.com*

Аннотация. В статье выявляются онтологические ценностные категории, присутствующие в менталитете русского иночества XIV–XV вв.

Методологически исследование базируется на философской рефлексии о ценностях как средстве осмысления окружающего мира, а также на культурологических исследованиях и концепции Д.С. Лихачева о двойственности мировоззрения средневекового человека. По мнению автора настоящей статьи, примененный исследовательский подход позволяет уточнить проблематику ценностей русского иночества XIV–XV вв. В частности, автор предпринимает попытку пересмотреть конвенциональное мнение, принятое в современной историографии, по вопросу о базовых ценностных категориях монашества в средневековой Руси.

На основе изучения разнообразных письменных памятниках XIV–XV вв., связанных с русской монашеской традицией, установлено, что такие ценностные категории, как «послушание» и «ослушание», лежат в основе дихотомии «добро–зло», выступают первейшими ценностями (как положительными, так и отрицательными) в восприятии средневекового русского инока. Переплетение различных образов, встречающихся в житийной и учительной литературе, раскрывает два ключевых смысла иночества, иноческого подвижничества, которые соединяются в ценности послушания, – служение Богу и спасение души, достижение вечного покоя.

Ключевые слова: ментальность, мировоззрение, иночество, монашество, ценности, русское Предвозрождение

Для цитирования: Мишин И.О. Онтологические ценностные категории русского иночества в XIV–XV вв.: источниковедческий аспект // История и архивы. 2020. № 2. С. 58–72. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-58-72

The ontological axiological categories of the Russian monkhood in the 14th – 15th centuries. Source study aspect

Ivan O. Mishin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
i.o.mishin@gmail.com*

Abstract. The aim of this paper is to determine the axiological categories, that existed in the mentality of the Russian monkhood of the 14th – 15th centuries.

The research is based on the philosophical reflection on values viewed as a means of environment comprehension; the study also rests on cultural studies and Dmitry S. Likhachiev's conception of the world perception duality of a medieval man. The author of the article views that the used research approach allows to clarify the issue pertaining to the values of the Russian monkhood of the 14th – 15th centuries. In particular, the author attempts to revise the conventional opinion, accepted in modern historiography, which concerns the question about the basic axiological categories of the monkhood in medieval Rus'.

The analysis of a broad range of sources of the 14th – 15th centuries, referring to the Russian monastic tradition, revealed that such axiological categories as "obedience" and "disobedience" underlie the dichotomy of "the good and the evil". These categories were respectively considered to be the fundamental virtue and the sin inside the world perception of a Russian medieval monk. The intermingling of various images found in the Russian hagiography and edifying literature explicate the two key meanings of monasticism, monastic asceticism, which are combined within the value of obedience - serving God and saving the soul, achieving eternal rest.

Keywords: mentality, world perception, monasticism, monkhood, values, Russian Pre-Renaissance

For citation: Mishin, I.O. (2020), «The ontological axiological categories of the Russian monkhood in the 14th – 15th centuries. Source study aspect», *History and Archives*, no. 2, pp. 58–72. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-58-72

Введение

Исторически сложилось, что русское монашество представляло собой духовно-нравственный светоч для народа в целом. Особенно это проявилось в XIV–XV вв., когда примерами великого подвижничества Сергия Радонежского, его учеников и собеседников Русь воспрнянула, по выражению церковного историка и мыслителя Г.П. Федотова, от «всеобщего огрубления и одичания», вызванных ордынским разорением [Федотов 1991, с. 247].

Переход от советской действительности к «Новой России» сопровождался и до сих пор сопровождается поиском утраченных нравственных ориентиров, традиционных ценностей российского общества. Неудивительно, что в контексте современных духовных исканий российское общество проявляет отдельный интерес к проблематике ценностей русского иночества XIV–XV вв.

Этот интерес выразился в появлении заметного количества научных публикаций, где рассмотрены иноческие идеалы того времени. При этом можно говорить о конвенциональном мнении среди исследователей, которые выделяют аскетизм (аскезу) как базовую ценностную категорию (универсалию) монашества в средневековой Руси [Бедаев 2017; Моргачева 2011; Петрушко 2007; Ураков 2017; Чадаева 2003]. В ряде работ встречается развитие данного утверждения. В частности, историк Н.В. Сеницына и культуролог Н.Е. Шафажинская полагают, что нестяжание является основным содержательным компонентом аскетического идеала русского иночества [Сеницына 2002; Шафажинская 2010]. Аналогичное мнение встречается у Т.Б. Коваль и О.Г. Садиковой, по мнению которых важность личного нестяжания подчеркивалась эсхатологическим аспектом владения частной собственностью [Коваль 1994; Садикова 2010].

Однако, основываясь на рефлексии философов прошлого и современности, культурологических разысканиях, автор настоящего исследования полагает, что такая общепринятая позиция не вполне верна.

По словам немецкого философа Г. Риккерта, ценность – это «смысл, лежащий над всяким бытием» [Риккерт 1913, с. 46]. Иными словами, сущностные смыслы человеческого бытия выражаются в ценностях [Орлов 1993]. Семиотическое освоение мира, т. е. задача смыслового значения каждой вещи, каждому явлению, каждому феномену, присутствующему в окружающем мире, начинается с конструирования фундаментальных смысловых противопоставлений (дихотомий) [Юрков 2010].

На подобные дихотомии обращал внимание академик Д.С. Лихачев, который утверждал, что в русском средневековом сознании сосуществовали две крайности – мир культуры, организованный, благополучный, и противостоящий ему мир антикультуры, неустойчивый, бедствующий [Лихачев 1984]. Особенно четко такое разделение мироустройства наблюдается в мировоззрении средневекового русского иночества. Граница, отделявшая инока от внешнего мира, проходила не просто в его сознании, а была реальной, физически ощутимой и воплощалась в виде высоких монастырских стен.

Отсюда следует полагать, что через раскрытие смысловых дихотомий, присутствующих в сознании русского инока XIV–XV вв.,

в свою очередь, раскрывается и его система ценностей. Но в историографии не обнаружены сходные или аналогичные исследовательские подходы к проблематике ценностей русского иночества XIV–XV вв. Следовательно, означенная научная проблема требует дальнейшего изучения. Необходимость уточнений внутри проблематики иноческих ценностей в эпоху русского Предвозрождения обуславливает цель настоящего исследования, заключающуюся в выявлении онтологических ценностных категорий, присутствующих в менталитете иночества того времени.

Дихотомия онтологических ценностей

Ключевой дихотомией, которая представляет собой исток как мировоззрения, так и самопонимания каждого человека, выстраивает все его бытие, является противопоставление «добро» и «зло». Для носителя христианской традиции смысловая категория «зло» не просто тождественна понятию «грех». Зло выражается через грех¹. Примечательно, что крупный лингвист-славист М. Фасмер указывал на родственность слова «нагрезить», т. е. «сделать что-то плохое», со словом «грех»². Противоположностью греха является добродетель – буквально «деятельное добро» или «делание добра» [Гусейнов 2018]. Связь добродетели с добром подчеркивали Отцы Церкви, называя ее «навыком к добру», «склонностью к добру»³. Особенно ярко противопоставление добродетели и греха выражено святителем Иоанном Златоустом: «В настоящей жизни нет блага, кроме одной только добродетели... в настоящей жизни нет зла, кроме одной только порочности и лукавства и душевной испорченности»⁴. Соответственно, добродетели и грехи выступают положительными и отрицательными ценностными категориями, через которые происходит осмысление мира.

Можно согласиться с историком А.И. Клибановым, отметившим значимость Покаянных книг для изучения духовной культуры средневековой Руси. Справедливо и его наблюдение о том, что

¹ Иванов М.С. Грех // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. Т. 12. С. 330–345.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. С.455.

³ Платон (Игуменов), арх., Фокин А.Р. Добродетель: Понятие Д. в патристической традиции // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. Т. 15. С. 477–484.

⁴ Иоанн Златоуст. Творения Святого Отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. СПб., 1899. Т. 2. Кн. 2. С. 800.

труды ученых были преимущественно сосредоточены на вопросах соотношения Покаянных книг с каноническим правом. Между тем Покаянные книги в некотором смысле, приоткрывают для своего исследователя тайну исповеди, содержа вопросы с перечнем грехов, в которых человеку надлежало каяться. Причем исповедные вопросы чутко реагировали на социальное положение грешника, расширяя круг прегрешений за пределы сферы церковного и религиозного. Например, в перечень грехов «влаstem мирским» вовлекалось то, что оценивалось как политические преступления. Поскольку исповедь предполагает быть тайной, исповедные вопросы могут раскрыть не только сокровенные мотивы грешника, но и понимание греха, отрицательные ценностные категории, присущие той или иной социальной общности [Клибанов 1996].

Особые исповедные вопросы существовали и для монашествующих. Сохранились они, в том числе, и в списках XV в. Поэтому их можно расценивать важнейшим источником для понимания ценностей средневекового русского иночества. Изучение исповедных вопросов для монашествующих выявило наиболее упоминаемые грехи, а значит – и наиболее значимые отрицательные ценностные категории для русского иночества XIV – начала XVI в. В обоих рассмотренных текстах чаще всего упоминается такой порок, как «ослушание»⁵.

В начале уже было отмечено, что ценностные категории представляют собой противопоставление, дихотомию. Это означает, что каждый грех отражается некой добродетелью. Соответственно, способом «от противного» возможно выявить и наиболее значимую ценность для русского иночества XIV – начала XVI в. Очевидно, что «светлой стороной» порока «ослушание» является добродетель «*послушание*». Тем не менее это утверждение требует обоснования.

В поучении XIV в. «О подвизе иночскаго жития» монашеский постриг называется вторым крещением⁶. «Умирая» как мирской человек и «воскрешая» в ангельском чине в ходе торжественного обряда, постригаемый произносил три основополагающих монашеских обета: нестяжания, целомудрия и послушания [Борисов 2004; Романенко 2002]. Причем преподобный Иосиф Волоцкий

⁵ № 2. Мнишское поновление // Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной восточной церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. Одесса, 1894. Т. 3. С. 188–189; № 4. Вопрос чернцемъ от игоумена // Там же. С. 190–191.

⁶ № 2. О подвизе иночскаго жития // Материалы для истории русской церкви. Харьков: Университетская типография, 1862. Т. 1. С. 118–119.

ставил послушание превыше всех остальных обетов⁷. С одной стороны, его воззрения можно объяснить тем, что преподобный Иосиф являлся ярким приверженцем и даже символом монастырского общежития (киновии), а кинувийное житие, положенное на Руси преподобным Феодосием Печерским и возрожденное преподобным Сергием Радонежским, основывалось на идеалах равенства, трудолюбия, смирения и послушания [Васиховская 2011].

Но с другой стороны, церковный историк и мыслитель Г.П. Федотов заметил, что в сборнике нравственных поучений «Измарагд», являющегося памятником русского «душеполезного» чтения XIV в., добродетель послушания занимает первейшее место в иерархии этических ценностей⁸. [Примечательно, что монашеское мироощущение, по мнению того же историка, «набрасывает тень на светскую этику “Измарагда”»⁹.

Еще в конце XIX в. знаменитый историк В.О. Ключевский высказывал наблюдение о том, что в житийной литературе XV–XVI вв. изображается приближение пустынножителя к иноческому идеалу¹⁰. Действительно, многие исследователи русского монашества обнаруживали в агиографических произведениях примеры великого послушания преподобных Корнилия Комельского, Дионисия Глушицкого, Нила Сорского, Иоасафа Каменского, Иосифа Волоцкого, Афанасия Высоцкого Старшего и других прославленных подвижников земли Русской XV–XVI вв.¹¹ А преподобный Никон Радонежский особо отличался своим «святым послушанием» [Концевич 2009, с. 154]. Но, как сообщает Г.П. Федотов, Житие преподобного Кирилла Белозерского является «первым из сохранившихся русских житий, где подчеркивается значение послушания»¹².

⁷ Смолич И.К. Русское монашество: 988–1917 [Электронный ресурс] // Седмица.RU: Православная энциклопедия. [М.]: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001–2019. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/436420> (дата обращения 09 июня 2019).

⁸ Федотов Г.П. Русская религиозность. Ч. 2: Средние века: XIII–XV вв. // Федотов Г.П. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Мартис, 2004. Т. 11. С. 12–356.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. Кн. 2. 592 с.

¹¹ Макарий (Булгаков). История Русской Церкви: В 12 т. СПб.: Типография Ю.А. Бокрама, 1870. Т. 6. 383 с. См. также [Концевич 2009; Кудрявцев 1999; Муравьев 2014].

¹² Федотов Г.П. Святые Древней Руси // Федотов Г.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8. С. 123–124.

Таким образом, в восприятии средневекового русского инок послушание выступает первейшей ценностью. В пользу этого заключения говорят как «душеполезные» сборники поучений, где под влиянием монашеского мироощущения добродетель послушания занимает первейшее место в иерархии этических ценностей, так и примеры послушания прославленных подвижников XV – начала XVI в., содержащиеся в житийной литературе.

Добродетель послушания и спасение души

В памятниках письменности ценностная категория «послушание» представлена в образах, для раскрытия которых необходимо кратко рассмотреть смыслы иноческого подвижничества эпохи русского Предвозрождения. В монашеском поучении XIV в. внешний мир – мир вне монастырских стен – преподносится как мир тления, мир страстей, мир греха¹³. Здесь уместно заметить, что ордынское нашествие принесло Руси не только материальное, но и нравственное разорение. Неудивительно, что монастырь, представляющий собой земной образ Небесного града Иерусалима, Царства Небесного, и соответственно иночество воспринимались как ограждение от грешного земного мира. Только в этом укрытии от мирских страстей средневековый человек видел возможность достигнуть вечного, небесного покоя¹⁴.

Отсюда инок стремился к преобразению внутреннего мира. Например, в поучении «О подвизе...» иноческое подвижничество раскрывается именно как преобразование мира внутреннего через основные аскетические практики, называемые «добрыми делами». «Добрые дела» представляются в поучении как ключи к достижению Царства Небесного, и к ним, помимо трудничества и постничества, относится и послушание¹⁵.

Здесь обращает на себя внимание сборник монашеских правил, составленный в конце XIV в. в Высоцком монастыре «при игумене грешном Афанасии», т. е. при ученике Сергия Радонежского, подобном Афанасию Высоцком Старшем [Клосс 2002, с. 63]. Среди прочих поучительных слов, в сборнике обнаруживается выдержка из правил Отца Церкви, святителя Василия Великого: «Аще ли в общем житии живехи, делай беспрестани со многим послу-

¹³ № 2. О подвизе иноческого жития... С. 117–127.

¹⁴ *Ключевский В.О.* Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства // Жизнь и Житие Сергия Радонежского: сборник. М.: Сов. Россия, 1991. С. 259–272. См. также [Романенко 2002; Федотов 1991].

¹⁵ №2. О подвизе иноческого жития... С. 124.

шаньемъ, да небесный житель будеши»¹⁶. Схожий смысл придает послушанию другой великий подвижник XV в., преподобный Евфросин Псковский, называя эту добродетель «второй лестницей на небо», которая даже «выше поста и пустынного подвига»¹⁷.

Также можно привести житийную сцену, когда преподобный Кирилл исполняет послушание в поварне, и «тамо больми въздержашес[я]», он взирает на огонь, горящий в печи, говоря себе: «Терьпи, Кириле, огонь сии, да сим огнем тамошняго възможеши избѣжати»¹⁸. Образ «тамошняго» огня, т. е. вечных мук в преисподней, можно истолковать как последствие неисполнения послушания для души.

Онтологическое значение добродетели послушания для иночества выражается через образы «лестницы на небо» и «тамошняго» огня, уже рассмотренные в настоящем исследовании выше. И если первый образ представляет эту добродетель как важнейшую для достижения вечного покоя, то второй – подчеркивает губительность ее «противника» – греха ослушания. Тем самым смысл послушания напрямую связывается с ключевым смыслом иночества – достижение Горнего мира и вечного покоя.

Послушание как служение Богу

Впрочем, в представлениях средневекового русского инокa страшное наказание за ослушание могло воплотиться наяву, а не по смерти. К примеру, в Житии преподобного Дионисия Глушицкого встречается сюжет об некоем монахе, который «от диавола поущен бысть презрѣти» игуменское запрещение держать в кельях какое-либо имущество¹⁹. Когда же, спустя несколько лет, искушенный

¹⁶ Цит. по: Клосс Б.М. Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 65. При воспроизведении древнерусских текстов сохранены буквы «ѣ» и «і», в остальном орфография приближена к современной.

¹⁷ Цит. по: Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. СПб., 1874. Т. 7. С. 62.

¹⁸ Житие пр. Кирилла Белозерскаго // Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и библиографический-литературный очерк. СПб., 1908. С. XI.

¹⁹ Семячко С.А. Житие Дионисия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисиев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели. СПб., 2005. С. 116.

инок преставился, у него нашли десять монет, которые затем преподобный Дионисий Глушицкий повелел во свидетельство покойнику сбросить в могилу, назидая братии: «Чада, послушание смерть наносит. Послушания Богъ хочет, а не жрътвы»²⁰.

Назидание преподобного Дионисия четко истолковывает послушание как грех, т. е. «нарушение норм бытия тварного мира, установленных Богом»²¹. Однако представляется, что смыслы такого толкования следует искать более глубоко, вне границ определения понятия «грех».

Преображаясь в новоначального инока, человек давал обет послушания в первую очередь игумену и только затем – братии. Игумен вопрошал постриженника: «Сохранишь ли себя... в послушании к *настоящему* и братии?» [Романенко 2002, с. 139]. И если будущий инок отвечал со смирением: «Ей, Богу содействующу, честный отче», то он давал обет послушания [Романенко 2002, с. 139]. В этом ритуальном диалоге отражается идеал отношений внутри монастырских стен, который строился на строгом послушании монахов игумену, особенно в киновии [Романенко 2002]. Этот идеал раскрывается в знаменитой «Лествице», написанной преподобным Иоанном Лествичником в VI в.: «Общежитие есть земное небо; итак понудим себя иметь такое сердечное расположение, как служащие Господу Ангелы»²².

Идеал киновийного жития напрямую связан с представлениями иноков о монашеском подвижничестве. Иночество отождествлялось со служением Богу. Например, в одном из абзацев поучения «Кирила Белозерска чудотворца» понятие служения увязывается с цитатой из Евангелия от Иоанна: «Рече Господь: “Аще кто Мнѣ служить, по Мнѣ да ходить. Идѣжѣ есмь Азь, ту и слуга Моя будет”» (Ин. 12:26)²³. В поучении «О подвизе иночскаго жития» также сказано, что удел инока на земле, как ангела на небесах, «Бога ꙗѣти в вѣки»²⁴.

В контексте приведенной метафоры обретают смысл некоторые сцены из повседневности средневекового русского инока. Например, войдя в монастырский храм на богослужение, инок первым делом отдавал три поклона Царским вратам и один – игумену [Рома-

²⁰ Там же. С. 117.

²¹ Иванов М.С. Указ. соч. С. 330–345.

²² *Иоанн Лествичник*. Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. [Сергиев Посад], 1898. С. 47.

²³ Прохоров Г.М. Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чудотворца» // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 11.

²⁴ № 2. О подвизе иноческого жития... С. 119.

ненко 2002]. Символика этого ритуала созвучна образу монастыря как «земного неба». Инок, будучи образом ангела, воспевающего Бога веки веков, приветствует образы «Царства Божьего» и самого «Царя Славы».

В пользу такого толкования образа настоятеля иноческой обители говорит и другая метафора из «Лествицы». Обращаясь к духовным отцам, т. е. игуменам, преподобный Иоанн Лествичник приводит образ «истинного пастыря», который «может погибших словесных овец взискать и исправить своим незлобием, тщанием и молитвою»²⁵. Под «овцами» этот великий авва подразумевает иноческую братию. В своих аллегориях он представляет монастырь гробом, а его насельников – умершими²⁶. Соответственно игумен отождествляется не просто с «пастырем», а с самим Христом, поскольку здесь идет явная отсылка к Его словам: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10:11). Примечательно, что митрополит Киприан, который в 1387 г. выполнил славянский перевод «Лествицы»²⁷, писал преподобному Афанасию Высоцкому Старшему о том, что инок обязан служить игумену «яко же самому Христу»²⁸.

Важно заметить, что «Лествица», по выражению историка Н.С. Борисова, издревле на Руси была «любимой» книгой для монашествующих [Борисов 2004]. Действительно, в период с XII по XVII в. было создано, по меньшей мере, 295 славянских списков сочинения Иоанна Лествичника. Наиболее же известные списки,

²⁵ *Иоанн Лествичник*. Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица... С. 252.

²⁶ В этой метафоре выражается представление о «смерти» инока как мирского человека: «Место или обитель, в которую ты поступил, да будет тебе гробом прежде гроба» (*Иоанн Лествичник*. С. 49). «Смерть» инока для Града Земного воплощается в одном из ритуалов, который проводится в ходе обряда монашеского пострига. Перед самым входом в церковь будущий инок снимает с себя всю свою мирскую одежду, оставаясь в одном рубище, что символизирует его отречение от мира. Он, словно по смерти, находится между землей и небом, которое олицетворено церковью [Романенко 2002]. Примечательно, что для преподобного Иоанна Лествичника эта «смерть», равно как и воскрешение уже в ангельском чине, свершается после принятия обета послушания: «Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения» (*Иоанн Лествичник*. С. 21).

²⁷ *Дионисий (Шлёнов)*, *Кордошкин А.* Иоанн Лествичник // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. Т. 24. С. 404–431.

²⁸ Цит. по: *Клосс Б.М.* Монашество в эпоху... С. 62.

ходившие по Руси, относятся к XIV–XV вв.²⁹ Это говорит не только о популярности «Лествицы» в эпоху русского Предвозрождения, но и об актуальности образов, представленных в труде преподобного Иоанна, иноческим представлениям того времени.

Все вышеизложенное дает основание полагать, что в представлениях средневекового русского инок игумен являл собой земной образ Христа. Этот образ занимал центральное место в восприятии более крупного, идеального образа монашеского общежития, олицетворявшего монастырь как Град Небесный на земле, а иночество как небесное воинство, ангельский чин. Через такое переплетение метафор раскрывается еще одно значение добродетели послушания. Поскольку игумен воспринимался образом Христа, послушание ему представляло собой служение Богу. Тем самым послушание, как иноческая ценность, соединяется еще с одним сущностным смыслом иночества – служением Богу.

Заключение

Для определения иноческих ценностей были изучены тексты исповедных вопросников для монашествующих по спискам XV в., и в них выявлена наиболее упоминаемая и, соответственно, наиболее значимая отрицательная ценностная категория – «ослушание». Поскольку ценностные категории представляют собой противопоставление, дихотомию, наиболее значимой ценностью для средневекового русского инок выступает добродетель послушания.

Ценности являются истоком смыслового освоения мира и своей самости. Поэтому неудивительно, что дихотомия «послушание–ослушание» раскрывается через некое переплетение различных образов, встречающихся в письменных памятниках, связанных с русской монашеской традицией. Например, если образ «лестницы в небо» у Евфросина Псковского представляет послушание как важнейшую добродетель для достижения вечного покоя, то образ адского огня из Жития Кирилла Белозерского подчеркивает губительность ее «противника» – греха ослушания.

Символическая же система, раскрывающаяся в «Лествице» Иоанна Лествичника, популярной в средневековом русском иночестве, а также символика, выраженная в русской монашеской повседневности XIV–XVI вв., представляет игумена как земной образ Христа. Следовательно, инок, дававший обет послушания, прежде всего игумену, воспринимал саму добродетель послушания через этот образ.

²⁹ Дионисий (Шлёнов), Кордочкин А. Указ. соч. С. 404–431.

Таким образом, в послушании соединяются два ключевых смысла иночества, иноческого подвижничества – служение Богу и спасение души, достижение вечного покоя. Это позволяет считать послушание основополагающей ценностью иноческого бытия, онтологической ценностью для русского инока в XIV – начале XVI в.

Литература

- Бедаев 2017 – *Бедаев А.И.* Идея Святой Руси в русской средневековой культуре: Дис. ... канд. ист. наук. Астрахань: [Астрахан. гос. ун-т], 2017. 186 с.
- Борисов 2004 – *Борисов Н.С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Молодая гвардия, 2004. 529 с.
- Васиховская 2011 – *Васиховская Н.С.* Феодосий Печерский и Сергей Радонежский – отцы-основатели «Истинного монашества» на Руси // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. Вып. 3. С. 75–79.
- Гусейнов 2018 – *Гусейнов А.А.* Добродетель [Электронный ресурс]. Электронная библиотека Института философии РАН. [М.]: Институт философии Российской Академии наук, 2018. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f00c00fa90b9c532f2ffef?p.s=TextQuery> (дата обращения 29 ноября 2019).
- Клибанов 1996 – *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1996. 368 с.
- Клосс 2002 – *Клосс Б.М.* Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России. XI–XX вв.: Исторические очерки. М.: Наука, 2002. С. 57–80.
- Коваль 1994 – *Коваль Т.Б.* Православная этика труда // Мир России. Социология. Этнология. 1994. Т. 3. № 2. С. 54–96.
- Концевич 2009 – *Концевич И.М.* Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси // Концевич И.М. Стяжание Духа Святого. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 5–248.
- Кудрявцев 1999 – *Кудрявцев М.* История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преподобного Сергия Радонежского: В 2 ч. М.: Крутицкое Патриаршее подворье; О-во любителей церковной истории, 1999. 276 с.
- Лихачев 1984 – *Лихачев Д.С.* Смех как мировоззрение // Смех в Древней Руси. Л.: Наука [Ленингр. отд-е], 1984. С. 7–71.
- Моргачева 2011 – *Моргачева А.В.* Русская культура: влияние монашества на формирование ее универсалий: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д: [Юж. федер. ун-т], 2011. 179 с.
- Муравьев 2014 – *Муравьев А.Н.* Русская Фиваида на севере // Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. С. 235–595.

- Орлов 1993 – Орлов Б.В., Эйнгорн Н.К. Духовные ценности: проблема отчуждения. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1993. 184 с.
- Петрушко 2007 – Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 356 с.
- Риккерт 1913 – Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии: Непериодическое издание, выходящее под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. Сб. 7. СПб.: Образование, 1913. С. 1–79.
- Романенко 2002 – Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. 329 с.
- Садикова 2010 – Садикова О.Г. Труд и хозяйственно-экономическая деятельность в русском православии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2010. № 2 (73). Вып. 11. С. 201–211.
- Синицына 2002 – Синицына Н.В. Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV–XVI вв.) // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2002. С. 116–149.
- Ураков 2017 – Ураков С.А. Проблема человека в древнерусской литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 167–171.
- Федотов 1991 – Федотов Г.П. Преп. Сергей Радонежский // Жизнь и Житие Сергия Радонежского: Сборник. М.: Сов. Россия, 1991. С. 247–258.
- Чадаева 2003 – Чадаева С.В. Православный монастырь в социальном и историческом контексте духовной культуры России: Дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород: [Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т.], 2003. 200 с.
- Шафажинская 2010 – Шафажинская Н.Е. Русское монашество как историко-культурное явление: Дис. ... д-ра культурологии. М.: [Моск. гос. ун-т культуры и искусств], 2010. 407 с.
- Юрков 2010 – Юрков С.Е. Оформление концептуальности «Другого» в русской ментальности и культуре // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 54–65.

References

- Bedaev, A.I. (2017), *Ideya Svyatoy Rusi v russkoy srednevekovoy kul'ture* [The idea of Holy Rus' in the Russian medieval culture], Ph.D. thesis, History, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.
- Borisov, N.S. (2004), *Povsednevnyaya zhizn' srednevekovoy Rusi nakanune kontsa sveta: Rossiya v 1492 godu ot Rozhdestva Khristova, ili v 7000 godu ot Sotvoreniya mira* [The everyday life of medieval Rus' on the eve of Doomsday. Russia in the year of 1492 AD, or in 7000th year from Creation of the world], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Chadaeva, S.V. (2003), *Pravoslavnyy monastyr' v sotsial'nom i istoricheskom kontekste dukhovnoy kul'tury Rossii* [An orthodox monastery in the social and historical context of the spiritual culture of Russia], Ph.D. thesis, Philosophy, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod, Russia.

- Fedotov, G.P. (1991), "Venerable Sergius of Radonezh", in Kolesov, V.V., Rogozhnikova, T.P. (eds.), *Zhizn' i zhitie Sergiya Radonezhskogo: sbornik* [Life and a hagiography of Sergius of Radonezh: the anthology], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia, pp. 247–258.
- Guseynov, A.A. (2018), *Dobrodetel'* [Online], available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f00c00fa90b9c532f2ffe?p.s=TextQuery> [Accessed 29 Nov. 2019].
- Klibanov, A.I. (1996), *Dukhovnaya kul'tura srednevekovoy Rusi* [The spiritual culture of medieval Rus'], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Kloss, B.M. (2002), "The monkhood in the age of the establishment of the centralized state", in Sinitsyna, N.V. (ed.), *Monashestvo i monastyri v Rossii. XI–XX veka: Istoricheskie ocherki* [The monkhood and monasteries in Russia. The 11th – 20th centuries: Historical essays], Nauka, Moscow, Russia, pp. 57–80.
- Koval', T.B. (1994), "The orthodox ethics of the labour", *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 3, no. 2, pp. 54–96.
- Kontseвич, I.M. (2009), "Attainment of the Holy Spirit in the ways of Ancient Russia in *Styazhanie Dukha Svyatogo*", *Styazhanie Dukha Svyatogo* [The acquisitiveness of Holy Spirit], Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, Russia.
- Kudryavtsev, M. (1999), *Istoriya pravoslavnogo monashestva v Severo-Vostochnoy Rossii so vremen prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo: v 2 chastyakh* [The history of the orthodox monkhood in Northeastern Russia since the time of venerable Sergius of Radonezh: in 2 vols.], Krutitskoe patriarshee podvor'e, Obschestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, Moscow, Russia.
- Likhachev, D.S., Panchenko, A.M., Ponyrko, N.V. (1984), *Smekh v Drevney Rusi* [The laughter in Ancient Rus'], Nauka [Leningradskoe otdelenie], Leningrad, Russia.
- Morgacheva, A.V. (2011), *Russkaya kul'tura: vliyaniye monashestva na formirovaniye ee universal'nykh kategoriy* [The Russian culture. The influence of the monkhood on the formation of its categories], Ph.D. thesis, Philosophy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.
- Muravyov, A.N. (2014), "Russian Thebaid in the North", in Muravyov, A.N., *Puteshestvie po svyatym mestam russkim* [The trip down Russian holy sites], Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, Russia.
- Orlov, B.V. and Eyngorn, N.K. (1993), *Dukhovnye tsennosti: problema otchuzhdeniya* [Spiritual values. An issue of the alienation], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, Russia.
- Petrushko, V.I. (2007), *Istoriya Russkoy Tserkvi s drevneyshikh vremen do ustanovleniya patriarshestva: ucheb. posobie* [The history of the Russian Church since ancient times until the establishment of the Patriarchate. Textbook], Izdatel'stvo PSTGU, Moscow, Russia.
- Rickert, H. (1913), "The two paths of epistemology", in Losskii, N.O. and Radlov, E.L., eds., *Novyye idei v filosofii: Neperiodicheskoye izdaniye, vykhodyashee pod redaktsiyey N.O. Losskogo i E.L. Radlova. Sb. 7* [New ideas in philosophy: The non-periodical publication, anthology 7], Izdatel'stvo "Obrazovanie", Saint Petersburg, Russia, pp. 1–79.
- Romanenko, E.V. (2002), *Povsednevnyaya zhizn' russkogo srednevekovogo monastyr'ya* [The everyday life of a Russian medieval monastery], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

- Sadikova, O.G. (2010), "Labour and economic activity in Russian orthodoxy", *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law], vol. 11, no. 2 (73), pp. 201–211.
- Shafazhinskaya, N.E. (2010), *Russkoe monashestvo kak istoriko-kul'turnoe yavlenie* [The Russian monkhood as the historical and cultural phenomenon], D. Sc. thesis, Cultural studies, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russia.
- Sinitsyna, N.V. (2002), "Types of monasteries and the Russian ascetical ideal (the 15th – 16th centuries)", in Sinitsyna, N.V. (ed.), *Monashestvo I monastyri v Rossii. XI–XX veka: Istoricheskie ocherki* [The monkhood and monasteries in Russia. The 11th – 20th centuries: Historical essays], Nauka, Moscow, Russia, pp. 116–149.
- Urakov, S.A. (2017), "The human problem in the Old Russian literature", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political, and law sciences, cultural and art studies. Issues of Theory and Practice], no. 5 (79), pp. 167–171.
- Vasikhovskaya, N.S. (2011), "Theodosius of Pechera and Sergey of Radonezh – the Founding Fathers of the "True Monkhood" in Russia", *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya I filologiya"* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], no. 3, pp. 75–79.
- Yurkov, S.E. (2010), "The formation of conceptualization about «Another» in Russian mentality and culture", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. Humanities], no. 2, pp. 54–65.

Информация об авторе

Иван О. Мишин – соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6;

Государственный архив РФ, Москва, Россия; Россия, 119435, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: i.o.mishin@gmail.com

Information about the author

Ivan O. Mishin, degree seeking applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993;

State Archives of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 17, Bolshaya Pirogovskaya St., Moscow, Russia, 119435;

Higher School of Economics – National Research University, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000; e-mail: i.o.mishin@gmail.com